

УДК 821.161.1(091)

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-162-173

СТАНОВЛЕНИЕ МОСКОВСКОГО ЛЕРМОНТОВЕДЕНИЯ

Тан Дини

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119234, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1, Российская федерация*

Аннотация. Статья посвящена процессу становления московской школы лермонтоведения. В ней рассматривается период 1840 – середины 1914 гг. Автор выдвигает тезис о том, что научное лермонтоведение зародилось в Московском университете в разборах романа «Герой нашего времени» и сборника «Стихотворения. Сочинения М. Лермонтова» профессором С.П. Шевырёвым и последовательно развивалось профессорами Н.С. Тихонравовым, В.О. Ключевским, П.Н. Сакулиным и Н.Л. Бродским. Автор отмечает факт, указывающий на традиции и преемственность в становлении московской школы лермонтоведения, который состоит в том, что каждый последующий учёный во время обучения в университете был учеником предыдущего. Названное обстоятельство позволяет проследить эволюцию взглядов на творчество Лермонтова в трёх перспективах: как выражение позиции конкретного учёного, как отражение исследовательского опыта в рамках научной школы и как углубление науки о Лермонтове в целом. Взгляды учёных московской школы рассматриваются по следующим параметрам: национальный характер лермонтовского творчества, его место в русской литературе, образ Печорина, народность.

Ключевые слова: Лермонтов, лермонтоведение, московская школа, С.П. Шевырёв, Н.С. Тихонравов, В.О. Ключевский, П.Н. Сакулин, Н.Л. Бродский.

FORMATION OF LERMONTOV STUDIES IN MOSCOW

Tang Dingyi

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the process of formation of so-called Moscow School of Lermontov Studies. The author seeks to trace the process from 1840 to the middle of 1914. The author argues that this scientific school originated within Moscow University starting with professor S. Shevyrev's analyses of the novel "A Hero of Our Time" and the book "Poems by M. Lermontov". This work was continued by professors N. Tikhonravov, V. Klyuchevsky, P. Sakulin and N. Brodsky. The author pays attention to the fact that each of the mentioned scholars was a student of his predecessor when studying literature at the University, which indicates the integrity of traditions and helps to follow the evolution in estimates that the legacy of Lermontov experienced. The latter can be viewed from three perspectives: as an expression of a position of a certain scholar, as the reflection of the views within the scientific school, and as the development of Lermontov studies in general. The views of the scholars are analyzed in the following areas: the national character of Lermontov's writings, his place in Russian literature, the image of Pechorin, national idea.

© СС ВУ Тан Дини, 2018.

Key words: Lermontov, Lermontov studies, Moscow school, S. Shevyrev, N. Tikhonravov, V. Klyuchevsky, P. Sakulin, N. Brodsky.

Известно, что первые журнальные отклики на произведения Лермонтова появились в 1838–39 гг. в журнале «Московский наблюдатель»¹. Авторство рецензий принадлежит В.Г. Белинскому, поэтому можно говорить о первенстве критика как родоначальника лермонтоведения в широком смысле этого понятия. Заметим, что, помимо рецензий Белинского, в 1839 г. появлялись ещё публикации о Лермонтове (короткие оценки стихотворений Лермонтова даются в следующих работах [16; 18; 19; 21; 22]). Однако, несмотря на огромное значение первоначальных заметок, мы должны констатировать, что речь в данном случае идёт о процессе, который мы называем литературной критикой. Собственно, научное изучение творчества Лермонтова

начинается под влиянием двух групп факторов: серьёзность, глубина, системность подхода к изучаемому материалу² и научная среда, в которой формировались концептуальные взгляды исследователей³. Задача настоящей статьи выделить основные вехи и имена в процессе становления московской школы лермонтоведения, занявшего, по нашему мнению, период с 1840-х по середину 1910-х гг.

Что касается учёных Московского университета, научная деятельность которых определила развитие лермонтоведения как науки, в первую очередь мы должны назвать пять имён, представивших известную преемственность и этапность отмеченного выше процесса. Прежде всего, это профессор историко-филологического отделения в 1837–1857 гг. Степан Петрович Шевырёв, профессор русской словесности в 1870–1889 гг. Николай Саввич Тихонравов, профессор русской истории в 1883–1911 гг. Василий Осипович Ключевский, профессор русского языка и словесности в 1917–1930 гг. Петр Николаевич Сакулин и профессор кафедры истории русской литературы в 1926–1951 гг. Николай Леонтьевич Бродский. Показательно, что каждый последующий учёный был учеником предыдущего. Так, Тихонравов, учившийся в Московском универ-

¹ Московский наблюдатель – влиятельнейший историко-литературный журнал, издававшийся в Москве в 1835–1839 гг. Белинский начал сотрудничать с журналом с 1838 г. и сделался его неофициальным редактором.

В статье, посвящённой творчеству Бернета, Белинский упомянул поэму Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», дал ей высокую оценку и предрёк будущую роль поэта в русской литературе: «Мы прочли прекрасное стихотворение “Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова”, не знаем имени автора этой песни, которую можно назвать поэмою, в роде поэм Кириши Данилова, но если это первый опыт молодого поэта, то не боимся попасть в лживые предсказатели, сказавши, что наша литература приобретает сильное и самобытное дарование». См.: Белинский В.Г. Елена, поэма г. Бернета // Московский наблюдатель. 1838. Ч. 16. № 4. Кн. 2. С. 621–632.

В 1839 г. Белинский дважды отозвался о произведениях Лермонтова. Критик не только приветствовал поэта-Лермонтова, но и увидел в нём прозаический талант (см. [2; 3]).

² Основанием для указанного подхода явились роман «Герой нашего времени» и сборник стихотворений Лермонтова, поскольку благодаря тем изданиям появились их тщательные отдельные разборы (см. [4; 5; 7–9; 15; 28–30].)

³ Журавлёва считает, что этой средой был московский университет, выработавший для всей русской культуры XIX в. общий взгляд на мир [12].

ситете в 1850–1853 гг., посещал лекции Шевырева по русской словесности. А.С. Архангельский отмечает, что из всех профессоров будущий академик отмечал более всего занятия Буслаева и Шевырёва [1, с. 296]. Позже Сакулин в статье «В поисках научной методологии» охарактеризовал Шевырёва как националистического сентименталиста, Буслаева – как учёного-романтика, Тихонравова вместе с Пыпиным и Александром Веселовским – как представителя *научного реализма* [24; 25]. Время учёбы Сакулина пришлось на 1887–1891 гг., т. е. на последние годы работы Тихонравова в Московском университете. Как представитель культурно-исторической школы, Сакулин считается учеником и последователем Тихонравова.

Указывая на биографические и творческие сближения выше названных учёных-профессоров Московского университета – Шевырёва, Тихонравова, Саккулина, – мы не утверждаем совпадение или единство их взглядов, а стремимся показать, как эволюционировало московское лермонтоведение с момента зарождения по первую половину 1910-х гг.

Рассмотрим взгляды Шевырёва, Тихонравова, Сакулина по следующим параметрам: самобытность творчества Лермонтова, оригинальность дарования, полнота охвата русской жизни, субъективное начало в творчестве Лермонтова и отношение к общественной жизни, художественное мастерство Лермонтова, характеристика личности Лермонтова. Общее во взглядах Шевырёва, Тихонравова, Сакулина прежде всего проявилось в том, что они, безусловно, признавали западноевропейскую литературу в качестве

источника поэтики Лермонтова. Однако их суждения эволюционировали с течением литературного времени. Так, основные акценты в оценках Шевырева ставились на вопросах национальной самобытности и протеизма поэзии Лермонтова. Отметим категоричное и едва ли не безальтернативное высказывание Шевырёва, что Лермонтов – поэт не русской лиры [см.: 29, с. 540]. Второй вопрос – протеизма – касался не столько национального характера поэзии Лермонтова, сколько оригинальности и неподражательности его таланта. Называя Лермонтова «стихотворцем-протеем», Шевырёв объяснял свой термин так: «Когда вы внимательно прислушиваетесь к звукам той новой лиры, которая подала нам повод к такому рассуждению, вам слышатся попеременно звуки то Жуковского, то Пушкина, то Кирши Данилова, то Бенедиктова; примечается не только в звуках, но и во всём форма их созданий; иногда мелькают обороты Баратынского, Дениса Давыдова; иногда видна манера поэтов иностранных – и сквозь всё это постороннее влияние трудно нам доискаться того, что, собственно, принадлежит новому поэту и где предстаёт он самим собою. Вот что выше назвали мы протеем» [29, с. 527]. Вместе с тем, Шевырёв отдавал должное поэзии Лермонтова, высоко оценивая «прекрасную» поэму Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», в которой, Лермонтов «так глубоко выразил чувство нашей древней семейной чести в лице купца Калашникова и иронию власти – историческую черту в характере Ивана Грозного, свидетельствуемую всеми его сочинениями.

Тут верный зародыш будущей Русской простотой ... Тут залог и того, что Лермонтов способен был усваивать себе все сокровища нашего русского языка, устного и письменного, и претворить бы их со временем в свою поэтическую собственность» [30, с. 503].

Тихонравов, соглашаясь с очевидным влиянием европейской поэзии на Лермонтова, в своей статье-некрологе «С.П. Шевырëв» делает попытку проследить истоки эстетических принципов Лермонтова и пишет в этой связи о рецепции Шевырëвым эстетики Л.И. Тика, В.Г. Вакеродера (а вслед за ним, конечно, должен был быть упомянут Лермонтов, учившийся в Московском благородном пансионе на 10 лет позже) и о воздействии на последующие поколения учащихся пансиона поэтической деятельности кружка Жуковского. Отголоском взглядов, составивших центр концепции о божественном источнике поэзии как сакрального творческого акта, мы полагаем ранний юношеский опыт Лермонтова (1828 г. «Поэт»), передавший дух отмеченного влияния:

*Когда Рафаэль вдохновенный
Пречистой девы лик священный
Живою кистью окончал,
Своим искусством восхищенный
Он пред картиною упал!
Он скоро сей порыв чудесный
Слабел в груди его молодой,
И утомленный и немой
Он забывал огонь небесный.*

*Таков поэт: чуть мысль блеснёт,
Как он пером своим прольёт
Всю душу; звуком громкой лиры
Чарует свет, и в тишине
Поёт, забывшись в райском сне,*

*Вас, вас! души его кумиры!
И вдруг хладеет жар ланит,
Его сердечные волненья
Всё тише, и призрак бежит!
Но долго, долго ум хранит
Первоначальны впечатления.*

В дополнение к сказанному приведём фрагмент из перевода Шевырëвым (совместно с Титовым и Мельгуновым) книги Тика и Вакеродера: «(в Рафаэле) возсияло чудным светом пред сынами мира / Горнее, небесное искусство» [10, с. 197].

Позже, в юбилейной статье 1891 г. «Лермонтов в Москве»¹, Тихонравов характеризует период начала творческого роста Лермонтова как взаимодействие европейских литературных тенденций с их рецепцией просвещённой университетской аудитории. Учёный описывает время формирования поэтики Лермонтова так: «В преподавании Университетского пансиона преобладало литературное направление. Воспитанников знакомили с Клопштоком, Алфиери, с драматическими произведениями Гёте и Шиллера, с Оссианом. Влияние шиллеровских драм (“Разбойники”, “Коварство и любовь”) сильно сказалось на юношеской трагедии Лермонтова, он переводил из Шиллера несколько мелких произведений. В пансионе написано Лермонтовым стихотворение “Могила Оссиана”: оно напоминает поэту родину его предков, Шотландию.

¹ В 1891 г. по поводу 50-летия со дня кончины Лермонтова Тихонравов на собрании Общества Любителей Российской Словесности прочёл доклад «Лермонтов в Москве», который не был напечатан при жизни автора, и сохранился лишь кусочек, собранный в сочинениях Тихонравова 1898 г.

*Летит к ней дух мой усыпленный
Родимым ветром подышать
И от могилы сей забвенной
Вторично жизнь свою занять.*

Университетский пансион ввёл Лермонтова в общение с великими творениями европейской поэзии; влияние Пушкина стало ослабевать» [27, с. 218].

Таким образом, суждения Тихонравова о Лермонтове, их историко-литературные охват и глубина, объективность ценны для нас тем, что они показывают эволюцию, которую претерпевала наука о Лермонтове, учитывая, что с момента написания текста доклада до первых пансионатских шагов поэта прошло чуть более 60 лет, то есть достаточно времени, чтобы многие сведения уточнились. В заключение суждений о национальном характере феномена Лермонтова приведём слова Тихонравова: «К Москве Лермонтов привязался всею силою своей *русской души* и сохранил эту любовь до могилы» (курсив мой. – Т. Д.) [27, с. 217].

Среди всех работ Сакулина о Лермонтове особо выделим статью «Земля и небо в поэзии Лермонтова». В ней, в контексте обсуждения национального характера творчества Лермонтова, для нас важно следующее высказывание: «Его творческую фантазию на первых же порах населяют байронические образы ... Для нас безразлично, откуда зашли к нему эти образы, от Пушкина, от Байрона или ещё откуда-нибудь. Он слился в ними. Они стали его собственными созданиями» [23, с. 22–23]. Примечательно, что Сакулин сводит все европейские влияния на Лермонтова к Байрону, тем самым как бы

утверждая их относительную незначительность, ставя их в один ряд с воздействием Пушкина, т. е. отвлекается от вопроса «национальности» поэзии Лермонтова. Главное в высказывании Сакулина – самобытность поэтики и её роль и место в нашем читательском восприятии («Он слился в ними. Они стали его собственными созданиями»). Таким образом, ко времени столетнего юбилея Лермонтова (статья Сакулина открыла юбилейный сборник 1914 г.) вопросы о национальном характере поэзии Лермонтова, о её самобытности и оригинальности более не составляли проблемы, и в этом заслуга как всего XIX века, так и московских учёных – Шевырёва, Тихонравова, Ключевского, Сакулина, Бродского и др.

Следующая важнейшая, если не сказать ключевая заслуга Лермонтова, – это вклад, сделанный им в развитие русской поэзии, другими словами, то, что принесла его поэзия, образовало новое течение по сравнению с пушкинским периодом. Наиболее остро этот вопрос вставал в 1840–1850-е гг. Так, Шевырёв после первого разбора лермонтовских текстов (1841 г.) не раз возвращался к теме оригинальности Лермонтова как художника.

Придерживаясь взгляда, что в творчестве Лермонтова «не образовался оригинальный и решительный характер» [см.: 29, с. 525], Шевырёв не признал нового поэтического направления Лермонтова. Говоря о том, сделал ли Лермонтов шаг вперёд в сравнении с прежней поэзией, Шевырёв пишет: «... в стихотворениях г. Лермонтова мы слышим отзвуки уже знакомых нам лир – и читаем их как будто воспоминания русской поэзии последнего двадцатилетия ... или это протезизм

есть личное свойство самого поэта?» [29, с. 535].

В рецензии на стихотворение Лермонтова «Валерик» Шевырёв предполагал, что «Со временем, когда изглядятся воспоминания современников, можно будет под этими стихами подписать имя Пушкина 1820-х годов, и никто не отгадает», поскольку «отсюда не можем отгадать, какое новое направление принял бы талант Лермонтова» [31, с. 181]. В той же статье Шевырёв резко отверг суждения о том, что в поэзии Лермонтова существует новая тенденция, отличающаяся от пушкинской традиции, заявляя: «поэзия Русская в лице Лермонтова не сделала ни шагу вперёд против Пушкина» [31, с. 182].

С одной стороны, неприятие Шевырёвым нового поэтического течения у Лермонтова было вызвано тем, что критик не увидел в молодом поэте художественной зрелости, самобытности. С другой стороны, Шевырёв ценил связь, которой Пушкин объединяет все его предыдущие и новые поколения, и прозрел в этой связи «основу всего будущего развития нашей Словесности». Кто хотел бы рвать эту связь, тот стал бы «врагом прекрасного и Поэзии отечественной» [31, с. 182]. Очевидно, Шевырёв выбрал для русской словесности пушкинский, а не лермонтовский путь развития. Чуть позже Шевырёв указал, что дальнейшее развитие Лермонтова, судьба которого неожиданно прервалась, «как поэта Русского, зависит от того, как бы повторился над ним тот процесс развития, который так естественно совершился в Пушкине. Есть одно стихотворение у Лермонтова, которое служит нам верной порукой в том, что

это сделалось бы впоследствии» [30, с. 503]. Шевырёв здесь имеет в виду «Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова».

Вместе с тем, отметим, что время признания Лермонтова приходило: например, в 1862 г. Ап. Григорьев написал статью «Лермонтов и его направление». Само название статьи указывает на то, что говорить о направлении Лермонтова уже было возможно и нужно. А, спустя примерно полтора века, А.И. Журавлёва, исследуя литературное время 1830–1840-х гг., подвела своего рода итог: «Если никто не прокламировал задачу “московской школы” так открыто и настойчиво, как Шевырёв, то едва ли кто решил эту задачу так убедительно, как Лермонтов» [11, с. 57–58].

Большое место в исследованиях московских учёных занимал вопрос о субъективном начале в творчестве Лермонтова и объективной, а значит, и его общественной проекции.

Примечательно, что Шевырёв весьма рано обратил внимание на вопрос субъективного начала в творчестве Лермонтова. По мнению Шевырёва, «в некоторых стихотворениях обнаруживается какая-то особенная личность поэта, не столько в поэтической форме выражения, сколько в образе мыслей и чувствах, данных ему жизнью» [29, с. 536]. Учёный высоко оценил те стихотворения, в которых, например, передаются личные переживания, «чувства религиозные» (две «Молитвы»), «чувства дружбы» («Памяти А.И. Одоевского») и т. д. Однако вместе с тем Шевырёв резко отрицательно отзывался о стихах, которые «обдают сердце каким-то холодом» («И скучно

и грустно», «Дума»). Шевырёв считает, что такие произведения Лермонтова, как «Дума» и «И скучно и грустно», являются «мгновенными плодами какой-то мрачной хандры», они нарушают «гармонию чувства, совершенно против миру прекрасного» [29, с. 537–538]. Шевырёв утверждал, что роль *субъективности* в творчестве Лермонтова неоднозначна. Она трогает душу читателей и вызывает в ней отклик. Лермонтов, по Шевырёву, как бы виноват в том, что он нередко выражает в своей поэзии то, что не должно выражаться, поэтому с таким пристрастным подходом Шевырёв не мог трезво оценить субъективное начало и «дисгармонию» в творчестве Лермонтова. Видимо, над ним довлело недопонимание той особенности внутреннего мира Лермонтова, которая стала основанием субъективного начала его поэзии, которую отметил Тихонравов, процитировав лермонтовский стих 1828 г.:

Я рождён с душою пылкой.

Сакулин признавал сближение Пушкина и Лермонтова в области поэзии, однако вместе с тем особо подчеркнул различие в психологии поэтов. Говоря о Лермонтове, он заявил, что «это уже совсем другой психологический тип, чем Пушкин» [25, с. 154].

Лермонтов, по мнению учёного, отличается от Пушкина «могучей и мятежной натурой». В отличие от пушкинской поэзии, для которой характерна «гармония», в поэзии Лермонтова выражается всё его «тревожное настроение», его «дисгармония жизни» [см.: 25, с. 154–161]. Осознавая значительную роль субъективного начала в творчестве Лермонтова, Сакулин полагал: «Лермонтов, лирик *по преимуществу*, стремится объективи-

ровать своё настроение, хочет создать тип интеллигента того времени» [25, с. 160]. Тем самым Сакулин говорит, что Лермонтова мучают те же вопросы, что и его современников, т. е. в его произведениях отражается дух времени. Настроение Лермонтова – это рефлексия интеллигенции. Сакулин отмечал: «Лермонтов был поэтом интеллигентской рефлексии, выразителем нравственных мук, какие переживала русская интеллигенция 1830-х годов» [25, с. 159]. Этот тезис позже развил Сакулин в статье «Земля и небо в поэзии Лермонтова» (в книге «Венок Лермонтову») при исследовании отношения поэта к земле.

Надо заметить, что в том же «Венке Лермонтову» 1914 г. московский лермонтовед, будущий профессор Московского университета Н.Л. Бродский опубликовал статью «Поэтическая исповедь русского интеллигента 30–40-х годов», отметив этой публикацией и крепнущее понимание общественного значения творчества Лермонтова и продолжение традиций лермонтоведов Московского университета¹.

Объективность творчества Лермонтова, его общественная, социальная составляющая, безусловно, связаны с проблемой охвата в его произведениях русской действительности. Наиболее эффективным представляется обращение к роману «Герой нашего времени», самому представительному в этом отношении произведению, тем более, что романы «Вадим» и «Княгиня Лиговская» не только остались не-

¹ Н.Л. Бродский в годы учёбы в Московском университете слушал лекции П.Н. Сакулина и В.О. Ключевского, бывших учеников Тихонравова. См.: [14].

завершёнными, но и были неизвестны в течение большей части XIX в.

Первоначальная, впрочем, как и последующая критика, а вслед за ней и анализ романа сосредоточивались на двух сферах: образ главного героя Печорина и русская жизнь во всём многообразии её проявлений. Другими словами, всё: герои, отношения, быт, нравы и т. д. – рассматривалось в применении к уже названным главным вопросам. Шевырёв замечал в Печорине, в основном, две стороны его образа: «Печорин, за исключением одной его апатии, которая была только началом его нравственной болезни, принадлежит миру мечтательному, производимому в нас ложным отражением Запада» [28, с. 537]. Последнее замечание вполне органично Шевырёву, если учесть его погружение в западную литературу и широкие знания о ней, однако названное обстоятельство отражалось и на некоторых неоправданных сближениях разных литератур, и на неточных суждениях. С другой стороны, говоря об апатии Печорина, Шевырёв называет её «нравственной болезнью», т. е. не выделяет её (болезни) национальные корни, так что о *русскости* образа Печорина в статье «Герой нашего времени. Сочинения М. Лермонтова» речь не идёт. Напротив, «Печорин не имеет в себе ничего существенного, относительно к чисто Русской жизни, которая из своего прошедшего не могла извергнуть такого характера. Печорин есть один только призрак, отброшенный на нас западом, тень его недуга...» [28, с. 536]. Всё в романе принесено Печорину в жертву, и это существенный недостаток произведения. Зато, обращаясь к собственно русскому в романе, Шевырёв отталки-

вается, прежде всего, от персонажа, парного Печорину, – Максима Максими́ча, давая ему высочайшую оценку: «Вот тип характера, в котором отзывается наша древняя Русь!»¹. Важны также слова о «коренном Русском быте», свидетельствующие о том, что Шевырёв видел в образе Максима Максими́ча не только отражение, но и находил изображение русского быта. Заметим, что оценки романа Шевырёвым соответствовали духу времени, если можно так выразиться, его историко-культурной, интеллектуальной *компетенции*. Вспомним в этой связи отзыв Николая I после прочтения романа Лермонтова: «Я дочитал “Героя” до конца и нахожу вторую часть отвратительной, вполне достойной быть в моде. Это то же самое преувеличенное изображение презренных характеров, которое имеется в нынешних иностранных романах. Такие романы портят характер. Ибо хотя такую вещь читают с досадой, но всё-таки она оставляет тягостное впечатление, потому что в конце концов привыкаешь думать, что весь мир состоит из подобных людей...» [32, с. 424].

В.О. Ключевский на исходе XIX в. в статье «Грусть» писал, что «личное чувство поэта (Лермонтова) ... отвечает настроению народа ... становится явлением народной жизни, историческим фактом ... Это русское настроение, не восточное, не азиатское, а национальное русское ... поэзия Лермонтова ... служит формулой русского религиозного настроения: *да будет воля Твоя*. Никакой христианский народ своим бытом, всю свою историей не прочувствовал

¹ К этому утверждению надо относиться как к авторитетному, поскольку Шевырёв занимался древнерусской литературой.

этого стиха так глубоко, как русский, и ни один русский поэт доселе не был так способен глубоко проникнуться этим народным чувством и дать ему художественное выражение, как Лермонтов» [13, с. 17–18].

Развитие линии Печорин – русская действительность в рамках традиции московского лермонтоведения особенных изменений в XIX – начале XX вв. не претерпело. Так, Сакулин в статье «Земля и небо в поэзии Лермонтова» («Венок Лермонтову») пишет: «Лицо русской жизни Лермонтов видит теперь во всём разнообразии её подлинных красок и тонов; он хорошо различает её действительные контуры, и его наблюдения претворяются в типические образы. Теперь он в состоянии трезво и критически разобратся в “героях нашего времени”; рядом с Печориным он ясно разобрал фигуру Грушницкого, заметил скромного Максима Максимыча» [23, с. 51].

Как видно, инерция взглядов Шевырёва 1840-х гг. сохраняется, по-прежнему это касается оценки образов Печорина и Максима Максимыча, однако утверждение о знании и изображении народной жизни звучит твёрже и яснее: образ Максима Максимыча показывает, что «Лермонтов сумел бы, понять и народную душу, сумел бы изобразить убогий быт нашего крестьянина» [25, с. 160].

Заметим, что в юбилейном сборнике «Венок Лермонтову» (собственно московском) число статей, посвящённых охвату русской жизни Лермонтовым, ширится и достигает по меньшей мере половины (см. [6; 17; 23; 26]), из них две (П.Н. Сакулин «Земля и небо в поэзии Лермонтова» и С.В. Шувалова «Религия Лермонтова») направлены на изучение перспективной проблемы лермонтоведения – духовности творчества Лермонтова [20], что свидетельствует об укреплении традиций московского лермонтоведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельский А.С. Николай Саввич Тихонравов // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.: Типография Акционерного Общества «Издательское дело», Брокгауз-Ефрон. 1901. Т. XXXIII. С. 295–298.
2. Белинский В.Г. [Рецензия] // Московский наблюдатель. 1839. Ч. 1. № 2. Отд. 5. С. 31–59.
3. Белинский В.Г. Русские журналы // Московский наблюдатель. 1839. Ч. 2. № 4. Отд. 4. С. 100–138.
4. Белинский В.Г. Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова (две части) // Отечественные записки. 1840. Т. X. № 6. отд. V. С. 27–54; Т. XI. № 7. отд. V. С. 1–38.
5. Белинский В.Г. Стихотворения М. Лермонтова // Отечественные записки. 1841. Т. XIV. № 2. Отд. V. С. 35–80.
6. Бродский Н.Л. Поэтическая исповедь русского интеллигента 30–40-х годов // Венок М.Ю. Лермонтову: Юбилейный сборник. М.; Пг.: Изд. т-ва «В.В. Думнов, наследники бр. Салаевых», 1914. С. 56–110.
7. Булгарин Ф.В. [Рецензия] // Северная пчела. 1840. 30 окт. № 246. С. 981–983.
8. Бурачок С.О. [Рецензия] // Маяк. 1840. Ч. 4. гл. 4. С. 210–219; ч. 5. гл. 4. С. 1–22.
9. Бурачок С.О. [Стихотворения М. Лермонтова]: Письмо к автору // Маяк. 1840. Ч. 12. гл. 4. С. 149–171.
10. Ваккенродер В.Г. Об искусстве и художниках: Размышления отшельника, любителя изящного / пер. с нем., с послесловием и примеч. П.Н. Сакулина. М.: К.Ф. Некрасов. 1914. 308 с.

11. Журавлёва А.И. «Московская поэтическая школа» и проблема альтернативных путей в литературе // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2000. № 6. С. 53–58.
12. Журавлёва А.И. Лермонтов в русской литературе. Проблемы поэтики. М.: Прогресс-Традиция. 2002. 285 с.
13. Ключевский В.О. Грусть // Русская мысль. 1891. № 7. С. 1–18.
14. Крестова Л. Николай Леонтьевич Бродский // И.С. Тургенев: Новые материалы и исследования / АН СССР. Институт мировой литературы имени А.М. Горького. Ред. А.Н. Дубовиков, И.С. Зильберштейн. М.: Наука, 1967. Т. 76. С. 735–744.
15. Межевич В.С. [Рецензия] // Северная пчела. 1840. 16 дек. № 284. С. 1134–1135; 17 дек. № 285. С. 1138–1140.
16. Мельгунов Н. Журнальные выдержки. Ст. 2 // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1839. 13 мая. № 19. С. 414–416.
17. Мендельсон Н.М. Народные мотивы в поэзии Лермонтова // Венок М.Ю. Лермонтову: Юбилейный сборник. М.; Пг.: Изд. т-ва «В.В. Думнов, наследники бр. Салаевых», 1914. С. 165–195.
18. Менцов Ф.Н. Обзорение русских газет и журналов за первые три месяца 1839 года // Журнал Министерства народного просвещения. 1839. Ч. 23, отд. 6. С. 76–77.
19. Менцов Ф.Н. Обзорение русских журналов и газет за третьи трёхмесячие 1839 года // Журнал Министерства народного просвещения. 1839. Ч. 24, отд. 11. С. 179–181.
20. Москвин Г.В. К вопросу духовности творчества М.Ю. Лермонтова: Обзор критики 1840–1914 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 2. С. 78–88.
21. Надеждин Н.И. Русская литература в 1838 году // Отечественные записки 1839. № 1. отд. 7. С. 1–60.
22. Полевой Н.А. Летопись русских журналов за 1839 год // Сын Отечества. 1839. Т. VII. № 1. Отд. IV. С. 38–51; № 2. Отд. IV. С. 84–100.
23. Саккулин П.Н. Земля и небо в поэзии Лермонтова // Венок М.Ю. Лермонтову: Юбилейный сборник. М.; Пг.: Изд. т-ва «В.В. Думнов, наследники бр. Салаевых», 1914. С. 1–55.
24. Саккулин П.Н. В поисках научной методологии // Голос минувшего. 1919. № 1–4. С. 25.
25. Саккулин П.Н. Русская литература после Пушкина. М.: типо-литография И.Х. Кавыкина, 1912. Часть I. 194 с.
26. Соловьёв И.М. Поэзия одинокой души // Венок М.Ю. Лермонтову: Юбилейный сборник. М.; Пг.: Изд. т-ва «В.В. Думнов, наследники бр. Салаевых», 1914. С. 111–134.
27. Тихонравов Н.С. Лермонтов в Москве (отрывок) // Тихонравов Н.С. Сочинение. М.: М. и С. Сабашниковы. 1898. Т. 3. ч. 2. С. 217–218.
28. Шевырёв С.П. «Герой нашего времени. Соч. М. Лермонтова» // Москвитянин. 1841. Ч. 1. № 2. С. 515–538.
29. Шевырёв С.П. Стихотворения М. Лермонтова // Москвитянин. 1841. Ч. I. № 4. С. 525–540.
30. Шевырёв С.П. [Рецензия] // Москвитянин. 1843. № 6. С. 501–533.
31. Шевырёв С.П. Критический перечень русской литературы 1843 года // Москвитянин. 1843. № 3. С. 175–194.
32. Эйхенбаум Б.М. Николай I о Лермонтове // О прозе: Сборник статей / сост. и подгот. текста И. Ямпольского. Л.: Художественная литература, 1969. С. 423–426.

REFERENCES

1. Arkhangel'skii A.S. [Nikolai Tikhonravov]. In: *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona* [Encyclopedic dictionary Brockhaus and Efron]. St. Petersburg, Printing house of the Joint-Stock Company "Publishing", Brockhaus-Efron. 1901. Vol. XXXIII. pp. 295–298.
2. Belinskii V.G. [Review]. In: *Moskovskii nablyudatel'* [The Moscow Observer], 1839, iss. 1, no. 2, dep. 5, pp. 31–59.
3. Belinskii V.G. [Russian magazines]. In: *Moskovskii nablyudatel'* [The Moscow Observer], 1839, iss. 1, no. 4, dep. 4, pp. 100–138.
4. Belinskii V.G. [A hero of our time. Essay by M. Lermontov (two parts)]. In: *Otechestvennye zapiski*. [Domestic notes], 1840, vol. 10, no. 6, dep. V, pp. 27–54; .vol. XI, no. 7, dep. V, pp. 1–38.
5. Belinskii V.G. [M. Lermontov's poems]. In: *Otechestvennye zapiski* [Domestic notes], 1841, vol. XIV, no. 2, dep. V, pp. 35–80.
6. Brodskii N.L. [A poetic confession of a Russian intellectual in 30-40s]. In: *Venok M.Yu. Lermontovu: Yubileinyi sbornik*. [A wreath for M. Lermontov: Anniversary Collection.]. Moscow, Petrograd, Editorial office "V.V. Dumnov, the heirs of br. Salayev", 1914. pp. 56–110.
7. Bulgarin F.V. [Review]. In: *Severnaya pchela* [Northern Bee], 1840. 30 oct., no. 246, pp. 981–983.
8. Burachok S.O. [Review]: In: *Mayak* [Mayak], 1840, Part 4, chapter 4, pp. 210–219; Part 5, chapter 4, pp. 1–22.
9. Burachok S.O. [M. Lermontov's poems: Letter to the author]. In: *Mayak* [Lighthouse], 1840, Part 12, Chapter 4, pp. 149–171.
10. Vakkenroder V.G. *Ob iskusstve i khudozhnikakh: Razmyshleniya otshel'nika, lyubitelya izyashchnogo* [On art and artists: Reflections of a hermit, a lover of fine]. Moscow, K.F. Nekrasov Poetry, 1914. 308 p.
11. Zhuravleva A.I. ["Moscow poetic school" and the problem of alternative ways in the literature]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 9. Philology], 2000, no. 6, pp. 53–58.
12. Zhuravleva A.I. *Lermontov v russkoi literature. Problemy poetiki* [Lermontov in epy Russian literature. Problems of poetics]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2002. 285 p.
13. Klyuchevskii V.O. [Sadness]. In: *Russkaya mysl'* [Russian thought], 1891, no. 7, pp. 1–18.
14. Krestova L. [Nikolan Brodsky]. In: *I.S. Turgenev: Novye materialy i issledovaniya* [I. Turgenev: New materials and research]. Moscow, Nauka Publ., vol. 76, pp. 735–744.
15. Mezhevich V.S. [Review]. In: *Severnaya pchela* [Severnaya Pchela], 1840. 16 dec., no. 284, pp. 1134–1135; 17 dec., no. 285, pp. 1138–1140.
16. Mel'gunov N. [Journal extracts. Art. 2]. In: *Literaturnye pribavleniya k "Russkomu invalidu"* [Literary additions to the "Russian invalid"], 1839. 13 may, no. 19, pp. 414–416.
17. Mendel'son N.M. [Folk motifs in the poetry of Lermontov]. In: *Venok M.Yu. Lermontovu: Yubileinyi sbornik* [A wreath of M. Lermontov: Commemorative collection]. Moscow, Petrograd, Editorial office "V.V. Dumnov, the heirs of br. Salayev", 1914. pp. 165–195.
18. Mentsov F.N. [Review of Russian Newspapers and magazines in the first three months of 1839]. In: *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of national education], 1839, iss. 23, dep. 6, pp. 76–77.
19. Mentsov F.N. [Review of Russian magazines and newspapers for the third three-month period of 1839]. In: *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of national education], 1839, iss. 24, dep. 11, pp. 179–181.
20. Moskvina G.V. [On Lermontov's spirituality: overview of literary criticism of 1840–1914]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya "Russkaya filologiya"* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology], 2016, no. 2, pp. 78–88.
21. Nadezhdin N.I. [Russian literature in 1838]. In: *Otechestvennye zapiski* [Domestic notes], 1839, no. 1, dep. 7, pp. 1–60.

22. Polevoi N.A. [Chronicle of the Russian journals for 1839]. In: *Syn Otechestva* [Son of the fatherland], 1839. Vol. VII, no. 1, dep. IV, pp. 38–51; no. 2, dep. IV, pp. 84–100.
23. Sakkulin P.N. [Earth and sky in the poetry of Lermontov]. In: *Venok M.Yu. Lermontovu: Yubileinyi sbornik*. [A wreath of M. Lermontov: Commemorative collection]. Moscow, Petrograd, Editorial office “V. Dumnov, the heirs of br. Salayev”, 1914. pp. 155.
24. Sakkulin P.N. [In search of scientific methodology]. In: *Golos minuvshego* [The voice of the past], 1919, no. 1–4, pp. 25.
25. Sakkulin P.N. *Russkaya literatura posle Pushkina* [Russian literature after Pushkin]. Moscow: tipo-lithography of I.H. Calycina, 1912. Part I, 194p.
26. Solov'ev I.M. [Poetry of a lonely soul]. In: *Venok M.Yu. Lermontovu: Yubileinyi sbornik*. [A wreath of M. Lermontov: Commemorative collection]. Moscow, Petrograd, Editorial office “V. Dumnov, the heirs of br. Salayev”, 1914. pp. 111–134.
27. Tikhonravov N.S. [Lermontov in Moscow (excerpt)]. In: *Sochinenie* [Essay], Moscow, M. and S. Sabashnikov Publ., 1898, vol. 3, pp. 217–218.
28. Shevyrev S.P. [“A hero of our time. Works of M. Lermontov”]. In: *Moskvityanin* [Moskvityanin], 1841, Part 1, no. 2, pp. 515–538.
29. Shevyrev S.P. [M. Lermontov's poems]. In: *Moskvityanin* [Moskvityanin], 1841, Part II, no. 4, pp. 525–540.
30. Shevyrev S.P. [Review]. In: *Moskvityanin* [Moskvityanin], 1843, no. 6, pp. 501–533.
31. Shevyrev S.P. [Critical list of Russian literature in 1843]. In: *Moskvityanin* [Moskvityanin], 1843, no. 3, pp. 175–194.
32. Eikhenbaum B.M. [Nicholas the First on Lermontov]. In: *O proze: Sbornik statei*. [On prose: Collection of articles]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1969. pp. 423–426.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тан Дини – аспирант кафедры истории русской литературы Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
e-mail: ginnetang@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tang Dingyi – postgraduate student at the Department of History of Russian Literatur, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: ginnetang@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Тан Дини. Становление московского лермонтоведения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 3. С. 162–173
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-162-173

FOR CITATION

Tang Dingyi. Formation of Moscow school of Lermontov studies. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 3, pp. 162–173
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-162-173